

СЕРГЕЙ ЖИГУНОВ: С НОВЫМИ РОЛЯМИ У БЕЗРУКОВА БУДУТ ПРОБЛЕМЫ

Когда мы подъезжали к студии Сергея Жигунова, он неожиданно перезвонил на мобильный:

«Забыл сказать. Никаких фотографов. Буду разговаривать, только без съемки». Пришлось нашему фотографу уехать ни с чем. Ну все, думаю, попала. Наверное, ждет меня такой капризный товарищ, все еще витающий в облаках после роли в «Гардемарирах» и считающий себя бесподобным баловнем судьбы.

Сергей Жигунов виновато вошел в кабинет, рассмеялся: «Знаете, я просто съемки эти терпеть не могу. Не так повернулся – уже смотришься ужасно. А потом выйдет жуткий снимок. Лучше мы вам сами подберем мои студийные». Потом сходил стрелкнуть у кого-то сигареты, приветливо спросил, разрешу ли курить, затянулся и начал разговор. Высокий, с обаятельным, но вовсе не слащавым лицом, в простом свитере в полосочку и темно-синих джинсах. Приятный собеседник, который многое знает о своей профессии и, как оказалось, не стремящийся прыгнуть выше головы. Хотя судьба не раз его к этому подталкивала.

– Вы, конечно, не любите вопросов про «Гардемаринов»? Как правило, актер, которого помнят по одной картине, терпеть не может о ней говорить.

– Да нет, я-то неплохо к этому фильму отношусь... Просто столько уже пришлось на их долю вопросов! Давно это было. Хотя я с удовольствием о них рассказываю, вспоминаю. Должен сказать, в последнее время меня больше ассоциируют с картиной «Принцесса на бобах». Ее показывают по телевизору раза в три-четыре чаще. Время «Гардемаринов» прошло, они стали историей.

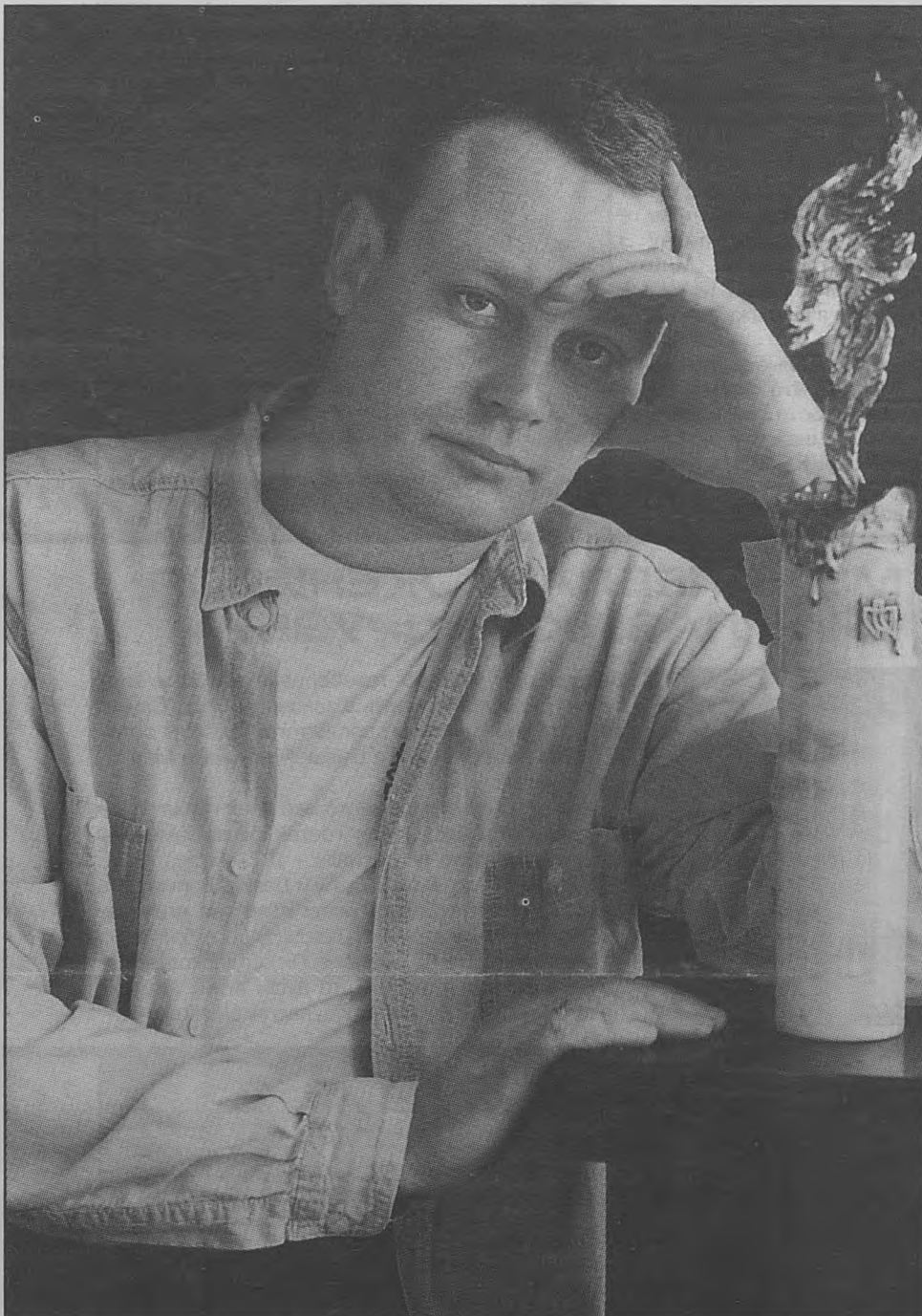
– Желания снять продолжение нет?

– Думаю уже несколько лет! С Харатьяном даже обсуждали. Полгода назад он так неожиданно позвонил мне, и разговорились... На самом деле, и правда стоит нам это сделать. Вот я вчера смотрел «Черный тюльпан»: лошадь скачет, на Делона сил нет смотреть. И подумал: лучше уж сами снимем, хоть посмотреть приятно. Сегодня обсуждали на студии, просидели час, но так ничего и не придумали. Тут проблема есть: надо найти такой период в нашей истории, где можно было бы легкомысленно как-то ко всему относиться. Уж очень ответственная у нас какая-то история, серьезная и страшная. Все время кровь, все время «отступать некуда, позади Москва». И где тут шутить, в каком историческом диапазоне? А нам нужно легкомысленное, чтобы барышни с декольте. Жанр-то хороший, зрители его любят, играть приятно.

– Может, потому, что в кавалерии служили и любите лошадей?

– Во-первых, всегда хорошо делать то, что умеешь. Тогда ты уверен, что ничего не случится, что ты себя контролируешь. В кино важно технически соответствовать. Это очень сложно. Я снимался недавно в сериале «Ниро Вульф», играл Арчи Гудвина. И там в конце каждого двух серий приходилось танцевать, причем все что-то этакое. А танцую я средненько (смеется). Тряк у меня был по танцам в институте.

Просто надо, чтобы все, что ты делаешь на экране, тебе доставляло удовольствие.

Учиться надо. Но производство не всегда позволяет. Было бы время, я бы не 4 урока танцев брал у прекрасного балетмейстера, а 22. Инструктор понимал, что я не успеваю, говорил: «Ну ты же сильный, тогда таскай ее на руках». Все думают, я мужественный такой, а я просто танцевать не умею. Сейчас вот надо будет продолжение снимать – с ужасом об этом думаю.

– Трюки предпочитаете сами выполнять?

– Нет, меня дублировали два раза – и оба на «Гардемарирах». Один раз надо было выполнять «обрыв» с лошади, когда в меня стрелял Боярский. Мне сыграть не дали. Я умел это делать и очень хотел сам проехать, но не разрешили. Потом выяснилось, что это меня спасло: на съемках каскадер упал и задался плащом. Он потерял сознание, ему делали укол в сердце. Реанимация еле вытащила. Кадр пошел в фильме, поэтому мне роль немного изменили: я потом кашлял ходил, за шею держался, даже шрам какой-то рисовали на горле. А когда следующим летом картину доснимали, я в этом месте опять начал требовать: «Давайте все же я сам!». Но Дружинина категорически не давала упасть с лошади, перепуганная тем случаем. Тогда я просто сел в солдатских трусах на коня (я в то время как раз в армии служил), разогнался и упал между Дружининой и оператором. Армейское начальство, когда об этом прознало, посадило меня на «губу» – чтоб не хулиганил. А второй раз, когда меня заменил каскадер, случился на съемках продолжения «Гардемаринов».

Если раньше я наталкивался на фотографии Димы Харатьяна, интервью с ним, у меня внутри что-то дергалось. А сейчас с интересом читаю, отрицательных эмоций не возникает. Думаю, все улеглось. Надеюсь, что у него точно так же. Дима позвонил мне за день до своего дня рождения, я очень обрадовался. Трепались часа два. Я пригласил его в гости, но он сказал: «Не так сразу. Давай постепенно. Не бери с места в карьер».

Мы тогда с Димкой Харатьяном прыгали на лошадей. Он – в седло, с какой-то приступочки или стены, а я сверху, со второго этажа, прямо на круп лошади. Причем я в плаще был, его от ветра раздувало и получалось, как будто на парашюте. Два дня репетировали, но никак у меня не получалось. Потом начали снимать, по-моему, даже дубль сделали. И тут каскадер сказал: «Могу с третьего прыгнуть». А я высоты боюсь. Пришлось мне уступить. Тем более что так высоко я вообще боялся прыгать: лошадь кажется совсем маленькой и можно попасть на голову соседнему актеру. Я Димку убить не хотел. И вот каскадер прыгнул, лошадь отошла в сторону, пока он летел... и он упал на брусчатку, сломал себе обе пятки, повредил грудную клетку...

– Вы опасный человек: вас нельзя заменять в кино!

– Выходит, что да.

– Сами совсем без травм обошлись?

– (Грустно) Получал... Шпагой в лицо. Месяц потом в больнице лежал. Меня из-за этого в первых «Гардемарирах» Олег Меньшиков озвучивает.

– Кстати, как это вы умудрились и в армии служить, и в «Гардемарирах» играть?

– А тогда это вообще легко все делалось. Просто я сначала попал на фильм, а потом уже был призван. И Мосфильм обратился с просьбой перевести меня в конкретную часть, которая была задействована на съемках. Это была единственная часть в стране, с которой отпускали играть. Такие вопросы тогда решались на государственном уровне. Не могу сказать, что это было легко. Нагрузка очень большая. К тому же, с меня не снимали никаких служебных обязанностей. Я возвращался со съемки и шел в наряд. Потому что пропустил. Все в один голос говорили: «Ну, как тебе повезло! И отслужишь, и снимаешься!». А у меня были сначала двойные съемки, потом двойная армия. Меня забирали, я не успевал на завтрак в полку, опаздывал на ужин. Голодным ходил. Через год наступил страшный момент, когда я привык к армии, мне стало нравиться. Это со всеми бывает – синдром заложника. И я с ужасом думал о том, что надо ехать на съемки. В армии было хорошо: я знал, что могу делать, что нет, как уклониться, спрятаться от командира. Я был отличником боевой и политической подготовки. Не было никаких проблем. Хорошо стрелял, ездил на лошади. Выполнял все свои солдатские обязанности. И психологически очень тяжело было переключаться потом на режим съемок. И потом, вот заканчивается все на площадке: Саша Абдулов поехал в ресторан, я – на казарму. Машина забрала, повезла, в час ночи ты лег, в шесть подъем. На выходные Мосфильм закрыт, работы нет, и в субботу-воскресенье ты идешь в наряд, спишь по четыре часа в сутки. И обалделый с утра в понедельник забегаешь схватить кусок хлеба, а потом бежишь, потому что тебя уже ждет машина. Почистил лошадей и поехал.

– Кошмар...

– Это точно. А потом была экспедиция. Я ночевал на конюшне вместе с лошадьми. Когда начал падать прямо на улице от недосыпа, перевели в гостиницу. Потом приходил, поил лошадей, которых задействовали в съемках. Все приехали в экспедицию от Мосфильма, а я в командировку от части. У меня был паек, я спал в конюшне на сене, ходил в военной форме. Приходил на грим, переодевался, скакал в кадре на лошади. После чего приезжала коневозка и прямо в бархате я заводил лошадей, призывал, чистил.

– Как конюху не доплачивали?

– Я получал зарплату как артист, потому что заключил договор со студией до того, как меня забрали. Мосфильм даже хотел мне не платить, потому как солдат, но я сказал: «Тогда сами и снимайте!». Заплати-